

Глава 1

1880 г.

«Ливерпуль» должен был причалить к марсельскому докку с минуты на минуту. С мостика Джон Честер наблюдал за приближающимся портом.

Капитан Халлам хлопнул его по плечу.

— Как причалим, я собираюсь сходить в контору, проверить, нет ли новых писем. Пойдете со мной или хотите, чтобы я принес ваши?

Джон рассмеялся.

— Я бы очень удивился, если бы там обнаружили письма для меня.

— Бросьте, — протянул Халлам. — Наверняка не одна хорошенькая девица дожидается вашего возвращения.

Капитан имел все основания так думать. Джон Честер, молодой человек (ему еще не было и тридцати) с вьющимися темно-каштановыми волосами, был прекрасно сложен, и в глазах его горел огонь, который легко мог захватить воображение любой юной девы.

— А вы? — спросил Джон, умело уходя от вопроса. — На вашем счету, верно, тоже немало разбитых сердец?

— Если и есть, я очень надеюсь, что моя жена никогда о них не узнает. Когда я ушел в плавание, она ждала ребенка. Наверное, уже родился.

— Мои поздравления. Первый?

— Какое там! Третий. Скажу честно, больше мы вряд ли сможем себе позволить.

— Так вы считаете, что дети дорого обходятся? — поинтересовался Джон.

— Ужасно дорого. Но, к счастью, моя старшая дочь настоящая красавица. Она может выйти за миллионера и спасти семью.

— Не сомневаюсь, вы найдете ей такого, — улыбнулся Джон. — Наверняка на вашем судне путешествует множество богачей. А вот хорошенькие девицы, как я заметил, встречаются намного реже.

Халлам, бросив на него добродушно-насмешливый взгляд, заметил:

— Вероятно, это потому, что заботливые отцы держат их подальше от вас.

Джон расхохотался и не стал возражать.

— Однако я бы удивился, если бы вы и правда страдали от недостатка женского общества, — не без зависти добавил капитан. — Неженатых англичан не хватает, а женатых, я много раз слышал, дамы избегают.

— Я слышал другое: с глаз долой — из сердца вон. Кто знает, чем вы занимаетесь, когда путешествуете по Средиземноморью или, как я, плаваете за океан, где англичанин такая же редкость, как бокал холодного шампанского?

— Во всяком случае вы можете себе это позволить, — заметил Халлам.

— В том-то и беда, что я не могу себе позволить делать это часто, — посетовал Джон. — Все немного, что у меня было, я потратил на путешествия. Довольно неудобно путешествовать, когда денег не хватает, но уж лучше путешествовать без удобств, чем не путешествовать вовсе.

— Чем же вы занимаетесь дома? — полюбопытствовал Халлам.

— Держусь подальше от женщин, которые думают о браке.

— Но каждая женщина думает о браке, — заметил капитан. — Если только она уже не замужем.

— Ни одна женщина не получит меня, — твердо произнес Джон.

— Значит, быть вам бобылем, — предсказал Халлам.

— Отнюдь. Я совершенно точно знаю, какую хочу женщину, и, когда придет время, выберу именно такую. Ласковую, добрую, покорную...

— В наше время женщины перестали быть покорными, — сказал Халлам, удивляясь подобной отсталости

взглядов собеседника. — Сейчас у них передовое мировоззрение. Им подавай эмансипацию.

— Нет, такая женщина мне бы не подошла, — ответил Джон. — Какому мужчине нужна жена, которая будет вечно с ним спорить?

— Да никакому, но чаще всего именно это мужчины и получают, — мрачно промолвил Халлам. — Мой друг, вы слишком давно покинули Англию и ничего не знаете о «новой женщине».

— А вы знаете, — улыбнулся Джон.

— Да. От сестры моей жены. Это страшная женщина. Старая дева. Она вполне могла выйти замуж, но куда там! Ее хлебом не корми, дай поговорить о раскрепощении женщин да о равноправии. Представьте, она верит, что женщины скоро получат право голосовать.

— Такого никогда не будет!

— Я так до этого точно не доживу. Но мне пора заняться своими обязанностями. Мы уже почти прибыли.

Когда капитан удалился, другой молодой человек, стоявший в сторонке и слушавший их разговор, подошел к Джону.

— Послушать тебя, так ты просто бессердечный дьявол какой-то, — заметил он.

— Вовсе я не бессердечный, — возразил Джон. — Просто меня привлекает определенный тип женщин...

— Куклы, которые открывают рот только для того, чтобы сказать: «Какой же вы замечательный!» или «Какой же вы умный!»

Джон усмехнулся.

— А что в этом плохого?

— Это только поначалу неплохо, — увещевал Бенедикт. — А представь, каково провести так всю жизнь? Это же невообразимо скучно!

— Твоя беда в том, что ты родился в семье образованных женщин, — серьезно произнес Джон.

— Верно, мать и сестра у меня очень образованные женщины, но не бойся, старина. С ними тебе встречаться не придется. Если я расскажу им о твоих взглядах, они не захотят видеть тебя в своем доме.

— Но, Бен, разве они тебя не пугают?

— Нет. Я вырос с умными женщинами, так что мне это кажется вполне естественным. А тебя испортили восточные женщины, которым нечем заняться, кроме как думать о своих мужчинах да соглашаться с ними.

— Чем же это плохо? — с невинным видом поинтересовался Джон.

— Иди ты к черту! — добродушно воскликнул Бенедикт. — Я не верю, что ты такой плохой, каким хочешь показаться.

— Может, и не такой, — усмехнулся Джон. — Но почти.